

Феликс РАХЛИН,
поэт, журналист, педагог
(г. Ашалон, Израиль)

ПИСЬМА К С. ШЕЛКОВОМУ

2 сентября 2008 г.

Произведение: «Узорчат, словно невод рыбарей...» —

Здравствуйте, Сергей.

В 1995 году, через несколько месяцев после смерти Бориса Чичибабина, в Харьковской «бурсе», то есть в Институте Культуры, на «Чичибабинских Чтениях», Вы подарили мне, гостью из Израиля, сборник своих стихов.

Мне приятно и интересно читать сейчас Ваши новые, содержательные и мастерски сложенные строки, да ещё и об Италии, где я не бывал и вряд ли побываю. Успеха Вам! И пусть Тоскана вызывает у Вас ассоциации уж лучше с потасканностью, чем с тоской! «От Красной Армии до Пизы» — дистанция огромного размера: может и башня наклониться, и крыша поехать, так что и рифма Ваша — вдвойне и вчетверне точна!

Удач Вам! Феликс Рахлин.

30 января 2009 г.

С истинным интересом и большой симпатией и признательностью к автору, а также руководству портала прочёл Ваш очерк «Русская литература Харькова — традиции и современные реалии» — очерк о родном мне городе, из которого и сам себя не вычёркивал. В Израиле, где живу вот уже 19 лет, замечательный журнал «22» (главный редактор — профессор А. Воронель) посвятил Харькову где-то в 1996-ом, кажется, году половину своего (106-го) номера.

Там есть и мой очерк «Заговор перфектистов» — о невинной литературной игре харьковских мальчишек и девчонок, привлекавшей недрёманное око местного сыска. Но это лишь частность.

В номере предстаёт Харьков интеллигентный, учёный, интернациональный, каким он и был, и надеюсь, остаётся в своей основе до сих пор. Я тогда написал свой первый обзор этого свежего номера журнала. И с того момента обзораю каждый новый его номер в израильской печати — вот как раз вышел на днях 150-й журнальный выпуск, оказавшийся, к тому же, двойным юбилеем: как раз исполнилось 130 лет журналу! Эта скромная дата — также «харьковская»: ведь «22» — старейший в Израиле журнал на русском языке.

Главный редактор и его жена — Нина Воронель (Нинель Рогинкина) — его основатели — оба выпускники Харьковского университета... Хорошо Одессе и Питеру быть литературными центрами: у них море есть... А вот как нашему городу, в котором — «хоть лопни, а Харьков не течёт!», — удалось стать таким Олимпом? — вот загадка... Но факт — налицо, и его подробно, с любовью, в стихах и прозе отразили и воспели Вы, дорогой Сергей!

Спасибо Вам! И — как правильно сказала блистательно остроумная Вита Серебро, сменившая всего лишь Харьков на Хайфу (Ха на Ха!), — «продолжение следует!»

Феликс Рахлин.

1 июля 2010 г.

Дорогой Сергей!

Разрешите с места в карьер: не сможете ли Вы посвятить какое-то количество слов, строк, страниц (размер ни по минимуму, ни по максимуму не лимитирован) личности и творчеству моей недавно скончавшейся сестры Марлены Рахлиной? С такой же просьбой от имени редколлегии альманаха «Тредиаковский» и от себя лично я уже обратился к некоторым литераторам из Харькова (и получил согласие), теперь вот пишу к Вам. Сам тоже засел за воспоминания...

Кроме того, в Израиле есть, как минимум, два-три литератора, которые выступали в здешних газетах с рецензиями на Марленины стихи, не будучи с нею самой знакомы, просто «потому чтобы прочли»... Возможно, обращусь и к их текстам.

29 августа этого года сестре посмертно исполнится 85 лет, и альманах рассчитывает откликнуться на эту дату. Однако мы не связываем срок поступления и опубликования рукописей непременно с этой датой, — пусть будет «как получится». К Вам лишь просьба

так или иначе ответить без задержки на это письмо. Зная в целом положительное Ваше отношение к творчеству Марлены Рахлиной, вместе с тем заверяю, что никто не ожидает от статьи комплиментарного тона — Вы, естественно, вольны в своих оценках.

Если не ошибаюсь, мы с Вами познакомились, когда я работал корреспондентом многотиражки на подшипниковом заводе. Желаю Вам успехов в творчестве и крепкого здоровья.

Феликс Рахлин.

11 августа 2010 г.

Уважаемый Сергей Константинович!

С глубокой благодарностью подтверждаю получение Вашего эссе. Мне оно понравилось, прежде всего, композиционным приёмом: тем, что все харьковские литературные артефакты выстроены вдоль Пушкинской улицы, куда, по всей справедливости, Вы поместили и мою чудесную и незабвенную сестру. В последнее время я вновь и вновь мысленно обращаюсь к причинам харьковского культурологического феномена: каким стихом пыльный, безводный город — не Петербург, который «Санктъ» со своей величавой Невой, не Москва — сердце Родины и собирательница земель, русских и нерусских, а тот, о котором ещё недавно был анекдот: «Це який Харків? Це той, що біля Богодухова?», — город, в котором, «хоть лопни, а Харьков не течёт!», — стал столь знаменит именно цветами своего интеллекта? И, мне кажется, Вы нашли верный символ: это — пушкинская гуманистическая традиция, ярко отразившаяся даже в градостроительном векторе нашего города («своим» я считаю его по праву не уроженца, но старожила).

Хотя у Вас и не упомянуто, хотя улица Бориса Чичибабина несколько «в стороне», но и её я бы без колебаний причислил к тем капиллярам, которые влились в аорту улицы Пушкина. Тут дело не в ранжире, а в глубинной сути. Немного жаль, что как-то осталась не упомянутой «площадь Поэзии», хотя она ведь примыкала к Пушкинской.

Кстати, о ней упоминает (и в несколько мистическом контексте, хотя и шуточном) Марлена в своей книжке мемуаров. Она ведь несколько лет жила (на улице Потемни!) как раз когда это громкое имя присвоили соседней площади с памятниками Пушкину и Гоголю! А по другую сторону соседней Сумской жил Боря Чичибабин. А я, как оказалось, учился в школе (131-й) на улице... Бориса

Чичибабина (тогда — VIII Съезда Советов) и жил от неё в нескольких десятках метров. А когда после ареста родителей нас из «ведомственного жилья» выселили, то — знаете на какую улицу? — На Лермонтовскую! Не мистика ли, не магия ли названий?!

В связи со сказанным — почему бы и Ваше эссе о Марлене не назвать: «На улице Пушкинской», как называется основное Ваше стихотворение в этом тексте, или «На Пушкинской улице»? Тем более, что вся публикация в журнале «Третьяковский», вся группа материалов, для которой Вы написали свою статью, посвящена именно Марлене... Там «О Марлене Рахлиной» — все материалы. А она — просто очередной жилец (или, точнее, уже нежилец), получивший на этой улице постоянную прописку...

Теперь Вам придётся простить мне одно незначительное, но необходимое замечание. По поводу особой Вашей чувствительности к хронологии — ловлю Вас на слове: утверждение, будто Марлена училась в 82-й школе на улице Чернышевской, 79, с 1933 года, не может соответствовать действительности: наша семья прибыла в Харьков из Ленинграда в 1936 году. Вот с осени этого года она и начала учиться в 82-й школе с Вашим отцом. Сочетание «Котик Шелковый» у меня в памяти, потому что сестра была очень поделывавшая и обо всех рассказывала, и я много имён помню с её слов: Таня Длугач, Сёма Гурфинкель, Витя Невенчанный, Илоша Маркович («Морковка») и т. д., и т. п., а у меня была цепкая память, я, например, почти весь свой предвоенный 2-й класс помню (89-й школы на ул. Артёма — как раз напротив Вашей крестильной церкви, Иоанноусекновенской...

Вило Крамского, Валю Оленцову, а уж особенно Нелю Сурженко (которая прожила в нашей семье всю зиму 44-го — 45-го года, когда мы четверо все ютились в одной комнатке с железной печкой, выведенной в окно, а ей в авиаинституте не дали общежития, Марленка встретила её на улице — и привела в дом...), — этих хорошо знал и помню.

Надеюсь, Вам нетрудно будет поправить несколько строк — там всё правильно, и даже хронология (Марлена поступила в «нулёвку» в 1932 году, а в первый класс — с 8-ми лет — в 1933-м, но — в Ленинграде... Если бы не её книжка мемуаров «Что было — видали», можно было бы пренебречь, но на фоне этой книжки выходит неувязка...

(Кстати, ведь и Фима Захаров, муж Марлены, учился в этой же школе, но не в одном с нею, а в параллельном классе. И жил в доме «Финработник», и носил дворовое прозвище «Хома», под

которым и я его помню: в том дворе помещался наш 109-й детский сад...).

Итак, пришлите мне поправку — и я перешлю Ваш текст по назначению. Ещё раз спасибо! — Ф. Р.

26 августа 2011 г.

Произведение: «Спеша по грани встречного движенья...» —

Дорогой Сергей!

Может быть, утешение в том, что так было всегда? Вспомним Микельанджело в переложении Тютчева («О, в это век, позорный и постыдный, ... отрадно спать, отрадней камнем быть»); 66-й сонет Шекспира в переводе Маршака — и даже хотя бы в моём: «Устав от жизни — жадно кличу смерть»; нашего с Вами Бориса Алексеевича Чичибабина: «Мне книгу зла читать не вмоготу, а книга блага вся перелисталась»... Им казалось, что уж хуже быть не может... Как ни странно, но в таком вневременном сходстве ощущений — источник надежды... Дьяконы, уверяю Вас, перекликаются с раввинами! «Юнкер Шмидт, честное слово!..» —

Лучшие мои Вам пожелания! — Ф. Р.